

УДК 902; 572

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.80.89>

ПРИМЕР ОБРЯДА ВТОРИЧНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В АБХАЗИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

© 2026 г. А.Г. Юрков

В статье представлены описание и интерпретация двух эллинистических погребений, выявленных в ходе исследования склепа на участке «Котёл» Маркульского городища - памятнике культуры местного населения, находящемся в юго-восточной части Республики Абхазия, примерно в 10 км от морского побережья и в непосредственной близости от античного греческого полиса Гюэнос, колонии на территории Колхиды. Большая часть склепа была разрушена грабителями, что привело к перемешиванию культурного слоя и утрате стратиграфии и планиграфии. Однако, часть склепа осталась нетронутой. Именно здесь, в северной части склепа были обнаружены погребения 6 и 7. Несмотря на то, что данные погребения не были разрушенными, палеоантропологические останки были вне анатомического порядка. Данная статья посвящена описанию данных погребений, на основе анализа палеоантропологических останков. Удалось выявить, что погребение 6 – детское, а погребение 7 – взрослое. В каждом погребении захоронено минимум по два индивидуума. Учитывая отсутствие какого-либо намёка на анатомический порядок костей, нами выдвигается версия, что мы имеем дело с обрядом вторичного погребения. В данной статье представлены описание и интерпретация двух погребений, а также реконструкция погребального обряда древнего населения Абхазии в период эллинизма.

Ключевые слова: археология, погребальные комплексы, палеоантропология, античность, эллинизм, вторичное погребение, Колхида, Маркульское городище

AN EXAMPLE OF A SECONDARY BURIAL RITE IN ABKHAZIA DURING THE HELLENISTIC PERIOD

A.G. Yurkov

The article presents a description and interpretation of two Hellenistic burials discovered during the study of a crypt at the «Kotyol» site within the Markul fortified settlement – a cultural monument of the local population located in the southeastern part of the Republic of Abkhazia, approximately 10 km from the sea coast and near the ancient Greek polis of Gyuenos, a colony in Colchis. Most of the crypt was destroyed by looters, causing the mixing of the cultural layer and loss of stratigraphy and planigraphy. However, part of the crypt remained intact. In its northern section, burials No. 6 and No. 7 were uncovered. Although these burials were undisturbed, the paleoanthropological remains were disarticulated. The article analyzes these remains, establishing that burial 6 belonged to a child, while burial 7 belonged to an adult. Each burial contained at least two individuals. Due to the lack of anatomical order of the bones, the authors hypothesize that the burials represent a secondary burial rite. The article provides a detailed description and interpretation of these burials and reconstructs the burial ritual practiced by the ancient population of Abkhazia during the Hellenistic period.

Keywords: archaeology, burial complexes, paleoanthropology, antiquity, Hellenism, secondary burial, Colchis, Markula fortified settlement.

Введение

Колхида обладает богатой мифологической историей, она известна по сказаниям об аргонавтах. На сегодняшний день территория, на которой располагалось легендарное государство, недостаточно исследована с археологической точки зрения (Бгажба, Воронов, 1982; Ньюшков, 2013). Особую выраженность приобретает дефицит палеоантропологических исследований (Абдушелишвили, 1978; Квициния, 2000, с. 4), тогда как другие территории Северного Кавказа (Алексеев, 1974;

Алексеев, Гохман, 1984; Герасимова, 1997, 2004; Герасимова, Фризен, 2007; Герасимова и др., 2009; Герасимова, Пежемский, 2013) и Закавказья (см., например: Мкртчян, Мовсисян, 2020) в этом отношении изучены гораздо более основательно.

Основная задача данной работы – реконструкция погребального обряда древнеабхазского населения в эллинистический период на примере палеоантропологического источника из погребений на участке «Котёл» на Маркульском городище. Данный памятник исследу-

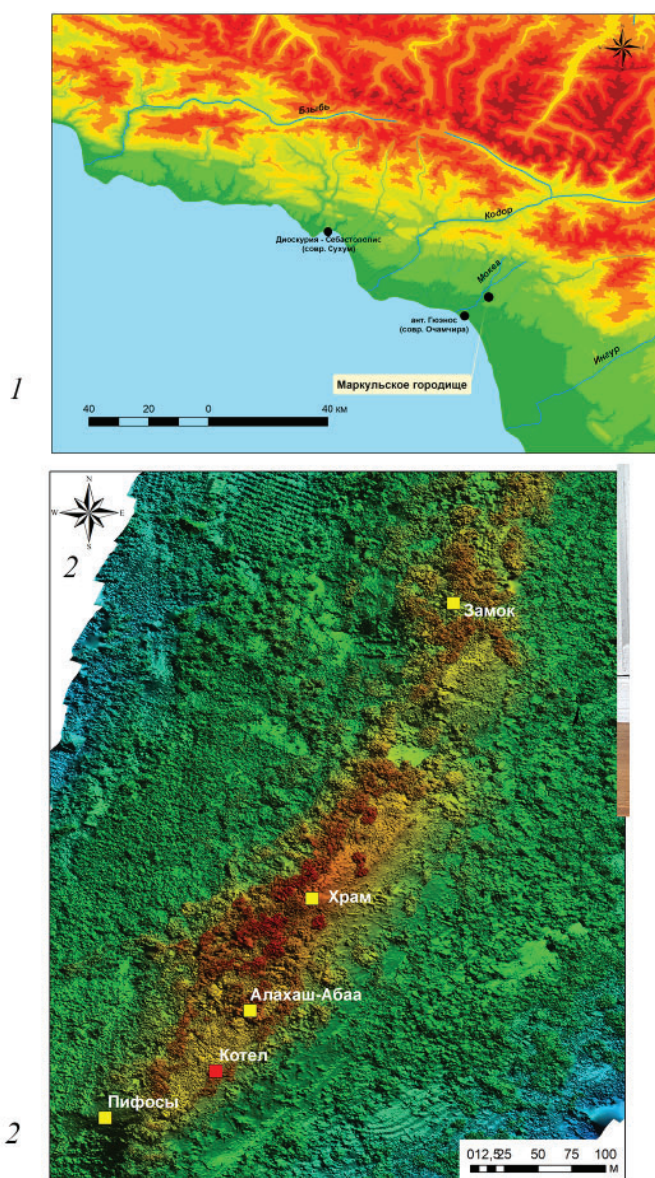

Рис. 1. Карта месторасположения городища (1) и ЦММ городища на основе фотограмметрии, с указанием участков раскопа (2)

Fig. 1. Map of the location of the settlement (1) and its CMM based on photogrammetry, indicating the excavation sites (2)

ется Маркульской международной российско-абхазской археологической экспедицией, организованной Институтом археологии РАН (ИА РАН) совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований Академии наук Абхазии (АБИГИ АНА). Исследования ведутся на памятнике, получившем название по топониму села в Очамчирском районе Республики Абхазия - Маркульское городище с 2014 г. Памятник расположен на левом берегу реки Моква и в 10 км от побережья Чёрного моря, места, где локализуется древнегреческий город Гюэнос (Шамба, 1988) (рис. 1: 1).

В ходе археологических исследований были изучены различные зоны городища: комплекс, условно обозначенный как «Храм» (раскопки проводились в 2014–2017 и 2022–2023 гг.), южная башня (Алахаш-абаа, 2018 г.), северная башня (2019–2021 гг.), сооружение под названием «Стена 2» (2020–2021 гг.), участок «Дорога» (2020–2023 гг.) и зона «Котел» (2023–2025 гг.). На юго-западном склоне выполнены археологические работы на следующих участках: шурф № 2 (2016 г.), шурф «Менгир» (2023 г.), раскопки «Нижний» и «Колодец» (2017–2019 гг.), а также участок

«Пифосы» (2021–2024 гг.). На 5 участках были найдены погребения (Юрков, 2025. с.101). Особенно важным в контексте данной статьи является участок «Котел» (2023–2025 гг.), где был выявлен склеп эллинистического времени (рис. 1: 2).

Участок «Котел» расположен у восточного края первого плато, в 57 метрах к югу от известной башни Алахаш-абаа. В июле 2023 г. на месте, несанкционированных раскопок, был заложен разведочный шурф размером 2 × 1,5 м, ориентированный по сторонам света (длинной стороной с севера на юг). В ходе исследования был выявлен нарушенный и перемешанный культурный слой, содержащий уникальные артефакты: медную ситулу, бронзовые браслеты, золотые бляшки (Сапрыкина и др., 2024), а также фрагменты костей животных и человека, разбросанные хаотично.

В ноябре того же года участок вновь стал объектом незаконных раскопок со стороны «чёрных копателей», которые оставили, кроме мелких углублений, крупную яму, размером 2×3 м. Систематические грабительские раскопки вынудили заложить здесь раскоп, до проведения геофизических исследований. В июле 2024 г. здесь был организован систематический раскоп площадью 7×4 м. В ходе работ был выявлен склеп эллинистического времени, вырубленный непосредственно в песчаниковом массиве. Датировка сооружения — середина III века до н.э. — подтверждается находкой клеймённой черепицы синопского типа. Склеп был заглублен на 40 см вглубь песчаникового слоя материка, верхняя часть стен не сохранилась, а нижняя представляла собой каменную кладку с глиняной обмазкой. В ходе исследования оставшегося перемешанного грунта культурного слоя было обнаружено значительное количество богатых и интересных артефактов: предметы из золота, серебра, бронзы, а также фрагменты железной руды, крицы, металлургических шлаков и готовых изделий из железа. Наличие шлаков, крицы и большого количества изделий из железа позволило сделать предположение, что погребенные здесь были связаны с кузнечным делом или культом бога-кузнеца, что косвенно говорит о том, что захоронения связаны с абхазской традицией погребения. Эти данные косвенно указывают на связь данного захоронения с местными абхазскими погребальными традициями.

К сожалению, большая часть (2/3) склепа была нарушена грабителями, что привело к перемешиванию культурного слоя и утрате стратиграфии и планиграфии (рис. 2). Однако, часть склепа осталась нетронутой, и предметы были найдены *in situ*, в частности погребения 6 и 7.

Материалы и методы

Большая часть исследованного участка (склепа) представляет собой переотложенный грунт из грабительских отвалов. Однако северная часть склепа осталась нетронутой грабителями, что позволило проследить обряд погребения. При снятии слоя «штык 3» был обнаружен завал черепицы, полностью перекрывающий исследуемый участок. Под слоем черепицы было обнаружено погребение 7 (рис. 3), представленное расставленным инвентарем и костными останками без какого-либо анатомического порядка. Но, так как данные артефакты лежали под сплошным слоем черепицы, мы можем говорить, что они располагались *in situ*. На западной стороне обнаружено перевернутое античное чернолаковое блюдо для рыбы. С южной стороны найдены два крупных (около 50 см длиной) гвоздя. Эти гвозди схожи с теми, что были ранее найдены в отвале грабительской ямы в ноябре 2023 г., но в этот раз они были обнаружены *in situ*. Первый гвоздь хорошо сохранился, тогда как второй сильно поврежден коррозией и разложился, вероятно, вместе с частью конструкции, в которую был вбит. Фрагменты подобных гвоздей, имеющих следы «деревянной поверхности», также были найдены в грабительском перекопе. В центральной части сосредоточены кости, битая керамика, украшения, под костями было обнаружено согнутое пополам медное блюдо. С северной стороны погребение примыкало к каменной выкладке и сверху по камням в погребение опустились железные скобы, в восточной части стоял маленький лепной горшочек.

Погребение 6 было найдено западнее погребения 7. Оно также примыкало к камням, которыми выложена по периметру вся яма склепа.

Артефакты здесь представлены трёхгранной бронзовой стрелой, миниатюрной чернолаковой тарелочкой, фрагментом чернолаковой тарелки с клеймом в виде пальметты, причём остальные фрагменты данной тарелки были обнаружены среди битой посуды в

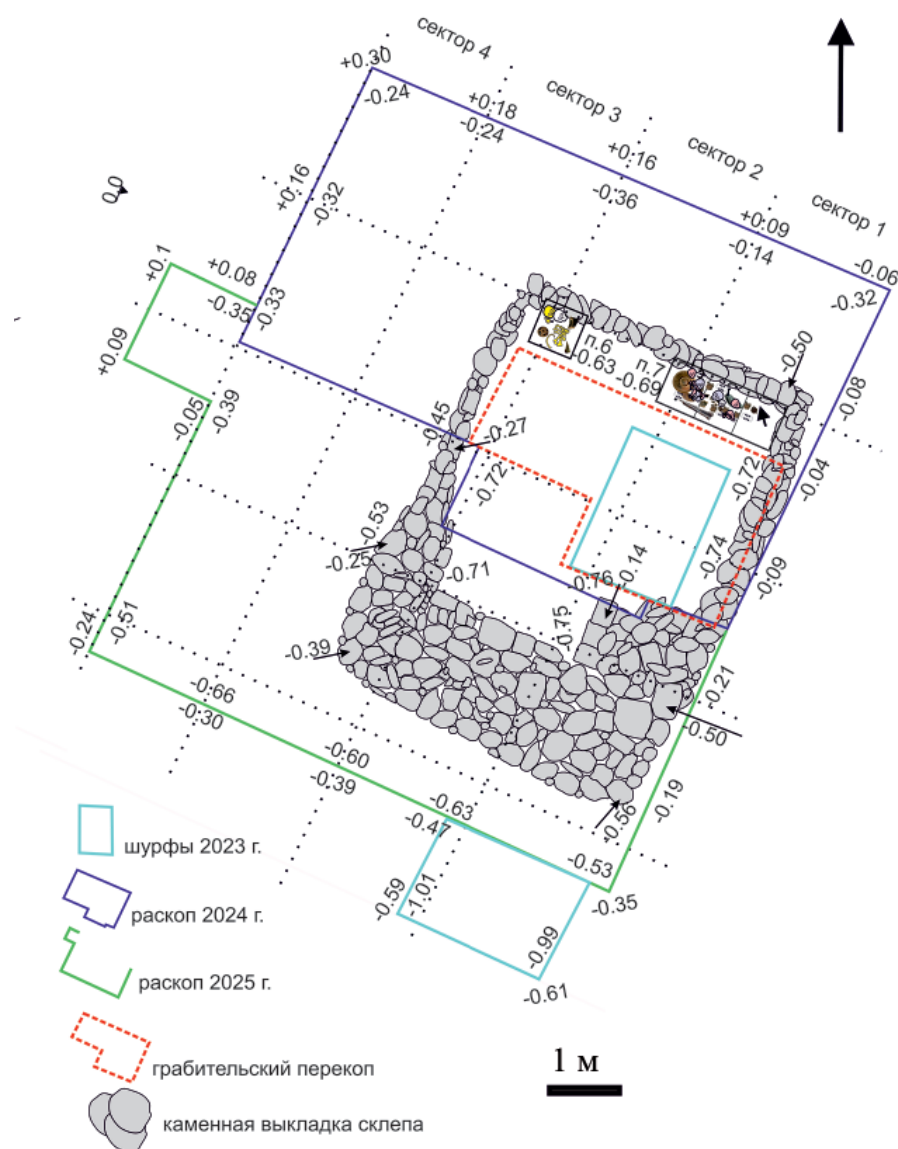

Рис. 2. План участка «Котел»

Fig. 2. Plan of the «Kotyol»

погребении 7, двумя фрагментами стеклянных сосудов, бусиной.

Используемые методы можно разделить на три группы: непосредственно полевые, камеральные и аналитические.

Полевые методы представляли собой расчистку костных останков, точную фиксацию их расположения (используя в том числе метод фотофиксации), извлечение, упаковку и шифровку их. Из-за некоторых особенностей раскопа, оговоренные выше полевые методы имели определённую специфику. Из особенностей можно выделить:

1) Раскоп проводился без присутствия профессионального палеоантрополога;

2) Грунт на памятнике представляет собой глинистые и суглинистые почвы, пронизанные большим количеством мелкой и средней гальки;

3) Неглубокое залегание погребений относительно дневной поверхности (менее 1 м), а следовательно большое количество корней растений (в том числе деревьев), которых в данном регионе (субтропического климата) огромное количество, что сильно затрудняет расчистку;

4) Плохая сохранность костных останков, характерная для данного региона;

5) Неанатомический порядок расположения костей, даже без какого-либо намека на него;

6) Кости сильно фрагментированы и перемешаны с костями животных.

Из-за данных особенностей остро стояла проблема провести максимально точную фиксацию расположения костных останков.

Погребение 6 было представлено компактно (в пределах до 40 см) расположенными костями черепа и частью иных костей под ним, и тут же около него сложенного инвентаря. А вот погребение 7 было достаточно протяженным (180 см). Поэтому, после максимальной возможной расчистки, оно было разделено на три сектора: Запад, Центр и Восток, для более точной фиксации местоположения находок. Кости снимались послойно в соответствующие секторам пакеты. По погребениям 6 и 7 получилось 9 пакетов с палеоантропологическим источником.

Камеральные методы можно подразделить на два этапа: первичный анализ в Абхазии и обработка материала в Москве.

Первый этап: кости животных были отсортированы от человеческих археозоологом Л.В. Яворской.

Второй этап: опись человеческих останков Д.В. Пежемским и автором статьи.

Аналитические методы включали в себя подробную отрисовку погребений с фиксацией местоположения костей и артефактов, для реконструкции погребального обряда, представленного в погребениях 6 и 7, что необходимо для верной интерпретации захоронений.

Погребение 7. Палеоантропологический источник был найден в секторе Центр и секторе Запад, в то время как в секторе Восток не было обнаружено костей человека.

В *центральной части* погребения были найдены фрагменты черепа в количестве 21 о.е. (фрагменты мозгового черепа и верхней челюсти), принадлежащие минимум трём индивидам:

Череп 1 представлен минимум десятью фрагментами лобной и обеих теменных костей. На покровных костях этого черепа (особенно теменных) фиксируются следы медных окислов. По швам предположительный возраст – 20(25) – 35 лет, пол женский. К данному черепу предположительно относится верхняя челюсть, но она также может принадлежать к черепу 2.

Череп 2 представлен фрагментами лобной и теменных костей. Швы открытые и внутри, и снаружи. Череп гипоморфный. Предпо-

ложительный возраст *adultus*. Кроме всего прочего, к данному черепу относятся фрагменты черепа из пакета №2.

Череп 3 представлен тремя тонкокостными фрагментами.

Также в секторе Центр в верхнем слое непосредственно с перекрывающей погребение черепицей был найден фрагмент дистальной части левой плечевой кости, а также несколько мелких фрагментов костей руки. Скорее всего плечевая кость индивида женского пола возраста *adultus*.

Кроме этого, в данном секторе были обнаружены: 1 зуб, 26 фрагментов костей взрослого. В основном, осколки длинных костей, есть осколок нижней челюсти (скорее всего женской). Имелись фрагмент ключицы; поясничный позвонок (*juvenilis II – adultus*); правая и левая височные кости; 2 фрагмента нижней челюсти с тремя зубами (*adultus*, может даже *juvenilis II*).

Сектор Запад представлен фрагментами мозгового черепа в количестве 20 о.е., а также фрагментами посткраниального скелета в количестве 11 о.е., Посткраниальный скелет в данной части погребения представлен двумя левыми бедренными костями (левая бедренная 1 и бедренная 2 в количестве трёх и двух фрагментов, соответственно); также были обнаружены два фрагмента левых тазовых костей (условно обозначены как «левая тазовая 1» и «левая тазовая 2», по одному фрагменту от каждой); к одной из них примыкает фрагмент крыла подвздошной кости. Также найдены: один фрагмент правой плечевой кости, один фрагмент диафиза плечевой кости и один фрагмент первого левого ребра. Кроме этого, в западном секторе были обнаружены 49 костей человека (16 из которых – фрагменты черепа): основание черепа взрослого индивида. Судя по подвздошной кости с непроросшим гребнем - индивид возраста *infantilis II* (10 – 12 лет) – *juvenis II* (до 22 лет). Также были 11 о.е. и два зуба. Среди них - фрагмент крупного ребра (скорее всего мужского), всё остальное - фрагменты черепа.

Погребение 6 представлено костями животных (к.ж.); костями взрослых (возможно из погребения 7); а также скелетом ребёнка (*infantilis I*), включающим многочисленные мелкие фрагменты черепа, часть правой плечевой кости, два отломка правой лучевой кости (предполагаемая длина — до 65 мм) и

Рис. 3. План погребения 7 с нанесением местоположения палеоантропологических останков.

Fig. 3. Plan of the burial 7 with the location of paleoanthropological remains

фрагмент бедренной кости, сохранившийся от средней части диафиза, двумя фрагментами большеберцовых костей (двух правых, одна из них по цвету и сохранности соотносится с лучевой), лучевой костью (ориентировочная длина не более 90 мм). По лучевой и бедренной кости, ребенок ≤ 0.5 года. Встречены несколько дуг позвонков и рёбер, представлены 4 фрагмента лобной кости, которые, как и фрагменты двух большеберцовых, указывают на двух индивидов.

Второй ребёнок представлен только фрагментами черепа и зубами. Его возраст 2 – 3 года, т.к. имеет сросшуюся лобную кость.

Фрагментов черепа для одного индивида много, они распадаются на две группы по толщине, что также свидетельствует о наличии двух детских индивидов.

Кроме всего прочего, представлены 3 фрагмента нижней челюсти с молочными зубами m2 с недоформированными на одну треть корнями.

Также имеется правый фрагмент верхней челюсти с молочным клыком и верхним моляром. Корни сформированы, кроме широко открытого апикса. Здесь же представлена коронка первого нижнего правого постоян-

ного моляра, сформированная на $\frac{3}{4}$. Шейка сформировалась не до конца.

Челюсти и зубы принадлежат одному и тому же ребёнку возраста 2 – 3 года.

Обсуждение

Из вышесказанного прослеживается явно, что погребение 6 – погребение детское, а погребение 7 – взрослое, так как наличие взрослых костей в погребение 6 и детских в погребение 7 представлено отдельными фрагментами, положенными туда явно не специально, их наличие объясняется характерными для региона движениями грунтов, а также высокой сейсмологической активностью (фиксируется крупное землетрясение в VII в.).

Учитывая отсутствие какого-либо намёка на анатомический порядок костей, нами выдвигается версия, что мы имеем дело с обрядом вторичного погребения.

Во-первых, на Маркульском городище уже встречалась данная погребальная традиция: погребение 2 на участке «Пифосы», датированное II в.н.э., представленное черепом ребёнка, аккуратно поставленным на длинные кости ног (Требелева и др., 2023, с.186 - 187), в определённой степени данное погребение похоже на детское погребение 6

Во-вторых, описание обряда вторичного погребения встречается в нарративных источниках:

У Аполлона Родосского:

«В ряд обильно ракиты росли и плакучие ивы,

К их вершинам веревками были привязаны трупы.

Даже теперь у колхов преступным считается делом

Тела почивших огню предавать. Не дозволено также,

Их обрядив, на земле насыпать могилу над ними.

Но, закутанных в сыромятные шкуры воловы,

Мертвых за городом на деревьях принято вешать.

С воздухом равную долю, однако, земля получает.

Женицин они хоронят в земле. Таковы их законы.» [Apol. Rhod. Arg. , III, 199-207] (Родосский, 2001. с.102).

И у османского путешественника XVII в. - Эвлия Челеби: «Два дня ходьбы далее к западу, по морскому берегу, находятся разва-

лины древнего замка Срубишь ... Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; под головой в ящике оставлено отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо (Челеби, 1983. с.52).

В-третьих, в пользу данной версии говорят вышеописанные археологический и палеоантропологический контекст этих погребений – кости найдены под завалом черепицы в нетронутой грабителями части склепа, то есть *in situ*, по найденному инвентарю можно сказать, что посвящено данное погребение богу-кузнецу (то есть мы имеем дело с погребальными традициями местного населения), погребения без какого либо намёка на анатомический порядок скелетов, погребения с анатомической неполнотой, т.е. не все кости скелета представлены.

Однако, стоит отметить, что для взрослого погребения 7 можно выдвинуть и иную версию: для античных склепов отсутствие анатомического порядка характерно по причине их многократного использования, когда нового погребенного кладут на уже ранее захороненного, сдвигая и разрушая тем самым анатомический порядок последнего. В погребении 7 мы фиксируем минимум 2 взрослых индивидуума, оно имеет вытянутую форму, и два слоя инвентаря: медная тарелка и часть битой керамики лежат под основным слоем костей. Поэтому нельзя исключать данную версию. Хотя не исключено, что и каждое последующее захоронение было совершенно в форме вторичного, а вытянутость формы объясняется смещением в расстановке инвентаря и укладке костяков.

Погребение 6, детское, скорее всего, вторичный обряд. В пользу этой версии говорят компактное расположение костей, и аналогия с погребениями на участке «Пифосы», где именно детское погребение было совершено по вторичному обряду, а взрослые были в форме ингумаций.

Выводы

1) Описанные погребения имеют возрастную корреляцию. Погребение 6 – детское, погребение 7 – взрослое.

2) Скорее всего мы имеем дело с такой погребальной традицией древнеабхазского населения, как обряд вторичного погребения, для которого характерны компактное распо-

ложение костей без анатомического порядка, и, как правило, не в полном комплекте: чаще всего представлены череп и длинные кости. Именно такой набор мы и наблюдаем в исследованных погребениях.

3) Погребение 7 имеет вторую интерпретацию: склеп использовался древнеабхазским населением не один раз и более поздние захоронения сдвигали более ранние.

4) Обряд вторичного погребения характерен для населения Абхазии начиная с эпохи

бронзового в. (Лордкипанидзе, 1974. с.180), но не характерен для греческого населения.

В тоже время, сама форма склепов не характерна для Абхазии и ранее здесь не встречалась. Такой тип погребений признак, скорее, эллинистической традиции. Наиболее известны боспорские каменные склепы (Савостина, 1984). Таким образом, можно сделать вывод, что данный погребальный памятник оставило местное абхазское население, подвергнувшееся эллинистическому влиянию.

Благодарности:

Выражаю благодарность к.и.н., н.с. отдела классической археологии ИА РАН – Г.В. Требелевой и к.и.н, с.н.с. отдела искусств и отдела археологии АБИГИ АНА С.М. Саканиа, являющимися руководителями Маркульской экспедиции ИА РАН – АБИГИ АНА, за возможность использовать и опубликовать материал. А также к.б.н., с.н.с. НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Д.В. Пежемскому за помощь в обработке палеоантропологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в позднеантичном времени. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 310 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 323 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1982. 81 с.

Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавказской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого города. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 606–654.

Герасимова М.М. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 76–86.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Палеоантропология населения кобанской культуры. // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону, Россия) / Отв. ред. Д.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 24–32.

Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии – Алании // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / МИАР. № 11. М.: ИА РАН, ТАУС, 2009. С. 324–340.

Герасимова М.М., Фризен С.Ю. Население Ставрополя в сарматское время (по краниологическим данным) // Северный Кавказ и мир кочевников в Раннем железном веке / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев, Р.М. Мунчаев / МИАР. № 8. М.: Таус, 2007. С. 491–497.

Кэыџниа П.К. Ацсуаа рантропологиа азцаараџа. Сухум: Алашара, 2000. 106 с.

Лордкипанидзе Г.А. Древняя Колхида в VI-II вв. до н.э. Историко-археологическое исследование. Дисс. ... докт. истор. наук. Тбилиси, 1974. 170 с.

Мкртчян Р.А., Мовсесян А.А. Древнее население бассейна озера Севан (палеофенетический анализ) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 79–89.

Нюшков В.А. Аписилы и Аписилия в историографии последних десятилетий // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. / Отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2013. С. 76–94.

Родосский Аполлоний. Аргонавтика / Изд. подгот. Н. А. Чистякова. М.: Наука, 2001. 237 с.

Савостина Е.А. Боспорские склепы: Типология, эволюция, историческая интерпретация. Дисс. ... канд. истор. М., 1984. 205 с.

Сапрыкина И.А., Требелева Г.В., Касинцева Е.О. Золотые изделия из склепа III в. до н.э. на Маркульском городище // КСИА. 2024. Вып. 277. С. 92–112.

Требелева Г.В., Шведчикова Т.Ю., Юрков В.Г., Яворская Л.В. Раскопки на Маркульском городище (2021–2022 гг.) // Нуранис. 2023. 5. С.178 – 196

Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 3 Земли сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М. Наука, 1983. 377 с.

Шамба С.М. Гюэнос-И. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 133 с.

Юрков А.Г. Обзор погребальных и палеоантропологических комплексов Маркульского городища (Очамчирский район, Республика Абхазия) // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 99–111.

Информация об авторах:

Юрков Альберт Глебович, лаборант, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); albertyurkov@yandex.ru

REFERENCES

Abdushelishvili, M. G. 1978. *Antropologiya naseleniya Kavkaza v pozdneantichnom vremeni (Anthropology of the population of the Caucasus in late Antiquity)*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Gokhman, I. I. 1986. In Alekseev, V. P. (ed.). *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoy Azii (Issues of the Anthropology of the Ancient and Contemporary Population of Soviet Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 87–107 (in Russian).

Bgazhba, O. Kh., Voronov, Yu. N. 1982. *Istoriya izucheniia arkheologii Abkhazii (do 1975 g.) (History of the study of the archaeology of Abkhazia (untill 1975))*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Russian).

Gerasimova, M. M. 1997. In Zubov, A. A. (ed.). *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda (The unity and diversity of the human city)* Part 2. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, 606–654 (in Russian).

Gerasimova, M. M. 2004. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 11, 76–86 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Pezhemskyi, D. V. 2013. In Matishov, D. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Naselenie Iuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei» (Donskie antropologicheskie chteniia (26–30 avg. 2013 g., Rostov-na-Donu, Rossiia) (International scientific conference «Population of the south of Russia from ancient Times to the present day» (Don anthropological readings (August 26–30, 2013, Rostov-on-Don, Russia)))*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 24–32.

Gerasimova, M. M., Suvorova, N. A., Frizen, S. Yu. 2009. In Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 324–340 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Frizen, S. Yu. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu., Munchaev, R. M. (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v Rannem zheleznom veke (The North Caucasus and the world of nomads in the early Iron Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 8. Moscow: "Taus" Publ., 491–497 (in Russian).

Kvitsinia, P. K. 2000. *Aḡsuaa rantropologia aḡḡaaraḡḡa (Issues of Abkhaz arthropology)*. Sukhum: "Alashara" Publ. (in Abkhaz).

Lordkipanidze, G. A. 1974. *Drevniaia Kolkhida v VI-II vv. do n.e. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Ancient Colchis in the 6th–2nd centuries BC. Historical and archaeological research)*. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Tbilisi (in Russian).

Mkrtchyan, R. A., Movsesyan, A. A. 2020. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia)* (4), 79–89 (in Russian).

Nyushkov, V. A. 2013. In Skakov, A. Yu. (ed.). *Uchenye zapiski Tsentra izucheniia Tsentralnoi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzhia Instituta Vostokovedeniia RAN (Transactions of the Center of IOS, RAS, for Studies of Central Asia, the Caucasus and Urals-Volga Region)* Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 76–94 (in Russian).

Apollonius of Rhodes. 2001. *Argonavtika (Argonautics)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Savostina, E. A. 1984. *Bosporskie sklepy: Tipologiya, evoliutsiia, istoricheskaia interpretatsiia (Bosporan crypts: Typology, evolution, historical interpretation)*. Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Saprykina, I. A., Trebeleva, G. V., Kasintseva, E. O. 2024. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 277, 92–112 (in Russian).

Trebeleva, G. V., Shvedchikova, T. Yu., Yurkov, V. G., Yavorskaya, L. V. 2023. In *Hypanis*. (5), 178–196 (in Russian).

Chelebi, E. 1983. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka) (Travel book. (Extracts from the writing of Turkish traveler of the 17th century)* 3. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Shamba, S. M. 1988. *Guenos-I*. Tbilisi: “Metsniereba” Publ. (in Russian).

Yurkov, A. G. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 99–111 (in Russian)..

About the Author:

Yurkov Albert G. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; albertyurkov@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.11.2025 г.
Статья принята к публикации 21.01.2026 г.